

В Дом Шанов они прибыли почти на час позже назначенного времени. Шан Сижуй, обычно спокойный и уравновешенный, обладал одной неприятной чертой — он совершенно не выносил ожидания. Если ему приходилось ждать, уже через несколько минут он начинал выходить из себя, теряя всякое самообладание. Этот его недостаток был хорошо известен всем в Тереме Водных Облаков, и если кто-то опаздывал, лицедеи предпочитали сослаться на болезнь и пропустить спектакль, лишь бы не оказаться на пути его ярости.

Сначала Шан Сижуй начал расхаживать по двору, ворча и ругаясь, затем принялся швырять чашки и топтать ногами. Сяо Лай предложила ему пойти в театр одному, но он лишь упрямо встряхнул головой:

— Нет! Я хочу посмотреть, как долго он будет задерживаться!

Когда Чэн Фэнтай наконец вошёл в дом, Сяо Лай не могла понять, что преобладало в её чувствах — сочувствие к нему или злорадство. Сложно взглянув на него, она молча закрылась в своей комнате, ожидая, что сейчас раздастся гневный крик Шан Сижуй. Чэн Фэнтай, привыкший к лести и уважению, наверняка вступит с ним в спор. Однако прошло некоторое время, а снаружи доносились лишь тихие, мягкие слова. Голос Шан Сижуй сначала звучал твёрдо и с раздражением, но постепенно смягчился, превратившись в нечто похожее на ворчание. Доносился голос Чэн Фэнтая:

— Правда, о чём бы я мог говорить с Чан Чжисинем? Я просто ждал твой торт в ресторане. Если не веришь, спроси старину Гэ! В ресторане только что провели банкет в честь дня рождения жены посла, и весь шоколад закончился. Пришлось ждать, пока его привезут из другого места... Я обещал купить тебе торт, и я обязательно это сделаю, не откладывая на потом! Господин Шан, я дал тебе слово и никогда не обману, даже в таких мелочах. Если сказал, что куплю торт сегодня, то так и будет, несмотря на все трудности!

Сяо Лай, с её женской интуицией, чувствовала, что эти слова были типичными для льстивого болтуна. Единственное, что было правдой, — это опоздание, всё остальное — чистой воды вымысел. Старина Гэ, который постоянно сопровождал этого болтуна, всё же восхищался своим господином. Лгать с такой искренностью и убедительностью — такого больше не найти во всём Бэйпине. Это вызывало у неё искреннее уважение.

Шан Сижуй шмыгнул носом:

— Я бы лучше обошёлся без торта, лишь бы не ждать.

Чэн Фэнтай крепко взял его за плечи и встряхнул:

— Хорошо! Впредь я не заставлю тебя ждать.

Он обернулся и крикнул:

— Старина Гэ! Чего стоишь? Пошли! В театр!

Шан Сижуй, отправляясь в театр, не хотел расставаться с тортом, держа его в руках с такой нежностью, словно это была большая кукла. Когда они вышли за ворота, Сяо Лай вспомнила, что хотела что-то сказать, но, увидев их уходящие плечом к плечу фигуры, не смогла произнести ни слова. Шан Сижуй был настолько наивен, что позволял себя обманывать, и, если его вели за руку, он готов был следовать куда угодно. Сяо Лай всё больше понимала, что Чэн Фэнтай, вероятно, теперь останется надолго.

Лучшие спектакли в театре обычно шли во второй половине дня, так что пропущенные сцены не вызывали сожаления. Услышав, как Чэн Фэнтай прочитал афишу у входа в театр, Шан Сижуй окончательно успокоился, перестал хмуриться и ворчать и с улыбкой ожидания сказал:

— «Тоска по мирской жизни» ещё не началась. Я пришёл именно ради неё.

Чэн Фэнтай внутренне вздохнул с облегчением, подумав: «Слава богу, она ещё не началась, иначе я бы совершил большую ошибку!»

Войдя в ложу и устроившись на своих местах, Чэн Фэнтай указал на торт и сказал официанту:

— Отнеси его и разрежь. Вот так, пополам. Понял?

Но Шан Сижуй не позволил разрезать торт, лишь попросил принести ложку. Он никогда не делился едой, и, подтянув торт к себе, открыл коробку. Увидев обильно рассыпанные лепестки роз, он на мгновение замер, а затем начал снимать их пальцами, один за другим, с явным недовольством, недоуменно спрашивая:

— Зачем на шоколаде лепестки?

Чэн Фэнтай, притворяясь невинным, прокашлялся:

— Наверное, для украшения.

Шан Сижуй ответил:

— А, как мы посыпаем блюда зелёным луком.

Чэн Фэнтай, чья задумка была встречена без энтузиазма, мрачно пробормотал:

— Ну, примерно так.

Шан Сижуй добавил:

— Наш зелёный лук хотя бы ароматный. А это даже хуже, просто отвратительно.

Убрав все лепестки, он наконец обнаружил медальон, который оказался покрыт шоколадом. Положив его в рот, он вдруг выплюнул на пол, и медальон с лёгким звонком покатился, исчезая из виду. Шан Сижуй схватился за рот, с болью в голосе пробормотав:

— Проклятая штука! На ней была иголка!

Чэн Фэнтай тут же разжал его рот и при свете лампы увидел маленькую ранку на языке, из которой сочилась кровь. Он почувствовал стыд и сожаление, виня себя за свою излишнюю изобретательность, и с улыбкой сказал:

— Эх, всего лишь небольшая царапина, ничего страшного, это не мешает тебе есть.

В этот момент принесли ложку, и Шан Сижуй, слегка облизнувшись, начал яростно есть торт большими порциями.

Всё предыдущее было лишь прелюдией, главным событием этого дня для Шан Сижуй была опера кунъюй под названием «Тоска по мирской жизни». Она повествовала о молодой монахини по имени Сэкун, которая, достигнув возраста цветущей юности, не смогла сдержать своих земных желаний и отправилась в мир на поиски суженого. Лицедей, игравший монахиню, вышел на сцену с изящной грацией, его стройная фигура излучала очарование. Чэн Фэнтай выпрямился, готовясь внимательно наблюдать за спектаклем. Шан Сижуй, держа ложку во рту, тоже устремил взгляд на сцену, но вскоре снова принялся есть торт, уже не обращая внимания на происходящее.

Чэн Фэнтай, увлечшись спектаклем, заметил, что Шан Сижуй так погрузился в поедание торта, что его лицо почти скрылось за коробкой. Он с улыбкой сказал:

— Господин Шан, не увлекайтесь едой! Оцените спектакль, дайте мне тоже чему-то научиться!

Шан Сижуй лишь облизнул ложку и улыбнулся ему.

— Господин Шан, как вам этот актёр? Он ведь ученик Юань Сяоди, не так ли? Мне кажется, он хорош, особенно гибкий.

Шан Сижуй ответил:

— Поёт сносно. Но движения...

Он вздохнул и замолчал. У Шан Сижуй была хорошая привычка — он никогда не критиковал своих современников, возможно, чтобы избежать конфликтов или из вежливости. Однако, если кто-то настойчиво спрашивал, он мог дать пару советов.

Чэн Фэнтай настаивал:

— А что с движениями? Мне они кажутся хорошими!

Шан Сижуй с жалостью посмотрел на него:

— Господин Чэн, вам лучше вообще ничего не смотреть — ваши глаза только для того, чтобы дышать.

Эта фраза, взятая из уличного жаргона Бэйпина, вызвала у Чэн Фэнтай смесь гнева и смеха. Он сжал щёку Шан Сижуй, покрасневшую от его пальцев:

— Вот как! Ешь моё, пьёшь моё, а ещё и подшучиваешь надо мной! Молодец!

Шан Сижуй, смеясь, уклонился. На сцене спектакль подходил к концу, а торт внизу был почти съеден. Шан Сижуй лишь изредка бросал взгляд на сцену, не утруждая себя внимательным наблюдением.

Чэн Фэнтай снова спросил:

— Что же не так с этим спектаклем? Неужели он настолько недостоин внимания господина Шан?

Шан Сижуй вздохнул:

— Поёт он действительно сносно. Но движения ужасны, чем больше смотришь, тем хуже. Не понимаю, как он стал популярен.

Чэн Фэнтай с недоверием смотрел на сцену, не веря критике Шан Сижуй, считая, что актёр был настоящим красавцем.

— Господин Чэн, скажите, что самое важное для актёра, играющего женские роли? Он должен быть похож на женщину! Помимо голоса, зрители должны с первого взгляда принимать его за женщину. Вот это мастерство!

Чэн Фэнтай задумался:

— Мне кажется, он очень похож.

Шан Сижуй кивнул:

— Вот именно! Но для таких, как вы, он кажется похожим, но для знатоков разница очевидна.

Шан Сижуй слегка икнул, сытый и довольный, и пришло время заканчивать спектакль. Чэн Фэнтай считал, что критика Шан Сижуй была слишком придирчивой, и ему было трудно согласиться и понять её. Шан Сижуй, облизывая пальцы, испачканные шоколадом, с наивным и глуповатым взглядом спросил:

— Что, господин Чэн, всё ещё не понимаете?

Чэн Фэнтай подозревал, что все эти теории Шан Сижуй придумал сам, и с улыбкой ответил:

— Я действительно не разбираюсь в этих тонкостях. Но если господин Шан говорит, что это плохо, значит, так оно и есть.

Шан Сижуй улыбнулся:

— Я только говорю, но не показываю. В последние годы я больше пою пекинскую оперу, господин Чэн не видел моей «Тоски по мирской жизни». Когда-нибудь покажу вам.

Чэн Фэнтай, смеясь, махнул рукой:

— Нет уж, господин Шан, если вы выйдете на сцену, я буду смотреть только на вас, а не на спектакль.

<http://bllate.org/book/15435/1368603>